

ІСТОРИЧНІ НАУКИ

УДК 94(497.2)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ БОЛГАРСКОГО МАКЕДОНИЗМА

Кирчанов М.В.

Воронежский государственный университет

Автор анализирует исторические основания и предпосылки развития болгарского македонизма. Македонские сюжеты и проблемы занимали одно из центральных мест в творчестве нескольких болгарских поэтов 19 века. Болгарская поэзия содействовала болгаризации Македонии и ее интеграции в болгарский культурный контекст. Болгарская система образования позднее также включилась в болгаризацию Македонии. Публикации научно-популярных книг о Македонии также содействовали ее восприятию как болгарского региона.

Ключевые слова: Болгария, Македония, историография, идентичность.

Постановка проблемы. История Болгарии в XIX веке – это и история болгарского национализма. Национализм был одним из наиболее мощных и влиятельных трендов в политической жизни Болгарии, оказывая воздействие и на интеллектуальное сообщество. Вероятно, именно интеллектуалы были основными теоретиками и носителями националистической идеологии. Болгарский национализм, подобно другим национализмам Балканского региона [27], развивался как дихотомия политических и этнических трендов. Сложно однозначно определить какие именно тренды доминировали в идейной платформе болгарского национализма. При этом значительное число теоретиков болгарского национализма предлагали синтетические версии болгарской национальной идеи, в состав которых были интегрированы политические и этнические тренды.

Целью статьи является изучение проблем и направлений формирования и раннего развития македонских образов в болгарской национальной идентичности.

Историография. Вопросы, рассматриваемые автором в данной статье, относятся к числу недостаточно изученных в российской историографии [9; 31], а число российских работ по этой теме остается незначительным. В более ранних публикациях автора отражены некоторые проблемы формирования и изменения македонских образов и нарративов в контексте болгарской исторической памяти и националистического воображения. В целом систематизированного изучения болгаро-македонских взаимных представлений в современной российской историографии не ведется. В болгарской и македонской историографиях изучение этой проблематики является табуированным, так как большинство историков склонны культивировать и развивать националистические мифы. Поэтому, болгарские и македонские работы в большей степени претендуют на статус источника, а не исследования, по истории соответственно болгарского или македонского национализма.

Изложение основного материала статьи. Для болгарской националистической традиции в XX веке необычайно привлекательной оказалась идея построения Великой Болгарии, кото-

рая должны были быть этнически чистым болгарским государством, включающим в себя все болгарские земли, в том числе – Македонию. По мнению националистически ориентированных интеллектуалов, болгарскость базировалась на трех ценностях – болгарском этнополитическом мифе, болгарском языке и православии. Болгарский миф был явлением двойного плана. Миф являлся политическим и этническим одновременно, будучи тесно связанным с болгарской редакцией мессианской идеи и верой болгарских политических и культурных элит в то, что именно болгары и Болгария должны доминировать на Балканах. Болгарские элиты на протяжении XX столетия трижды пытались реализовать этот национальный проект – дважды в качестве инициатора военных действий (первая балканская война, вторая мировая война) и один раз как обороняющаяся сторона (вторая или межсоюзническая балканская война). Во всех трех случаях болгарские политические элиты руководствовались националистическими аспирациями и стремления создания «Великой Болгарии».

Примечательно, что в двух случаях активной военной внешней политики Болгарии основные интересы болгарских элит были сосредоточены в регионе Македонии, которая никогда не соотносилась с образами Другого (что для болгарских авторов было просто немыслимо [1; 2; 22]), но практически всегда фигурировала в контексте развития идей самости, болгарской, болгарской идентичности. В силу того, что болгарская армия в период Балканских войн вела действия на территории этого региона [17] македонская тематика интегрировалась в болгарский исторический и политический дискурс, а Македония в значительной степени актуализировала свое значение как универсального «места памяти» для целого ряда болгарских интеллектуалов, которые получили военный опыт именно на ее территории. Подобные моменты, как полагают болгарские авторы, легитимизируют именно болгарские претензии на Македонию. Болгарский язык и православие, как две компоненты болгарского мифа, оставались преимущественно политическими маркерами, которые активно использовались для определения и позиционирования сообщества по

принципу свой – чужой. Все, кто не владел болгарским языком и не был православным, автоматически выставлялись за пределы болгарского сообщества – болгарской по-литической нации.

Классические примеры подобного разделения – отношение со стороны болгарских националистов к сербам и помакам. Сербь автоматически воспринимались как однозначно чужие, что подкреплялось не только языковыми отличиями, но и политическими противоречиями. Помаки отделялись в виду того, что были мусульманами. Но если за сербами болгарские националисты признавали право быть другими, то в отношении помаков они подобного не позволяли, обрекая их на ассимиляцию и принудительную христианизацию. Эти стратегии переносились и на славянское население Македонии с неясной идентичностью, которому, как полагали болгарские авторы, надлежало стать болгарским.

В идеологии болгарского национализма существовало и сообщество, которое занимало промежуточный статус между сербами и помаками. Это были македонцы. Единственное, что сближало их с болгарам, это – славянское происхождение и принадлежность к православной Церкви. С другой стороны, македонские националисты были склонны позиционировать македонцев как отдельную нацию, которая достойна того, чтобы обладать своим национальным государством – Македонией. Болгарские националисты относились к македонцам иначе. Для болгарских националистов Македония была именно Болгарией, одним из болгарских регионов. Для них македонцы были болгарам. В этой ситуации македонский язык воспринимался как испорченный сербам болгар-ский или совокупностью болгарских диалектов, которые изменились под сербским влиянием. «Испорченность» или «диалекты» – эти понятия не имели для болгарских националистов особого значения в виду того, что отношение к македонскому языку почти всегда оставалось негативным.

Начиная с 1880-х годов болгарскими авторам предпринимались активные попытки интегрировать Македонию в болгарский контекст. Деятельность нескольких поколений софийских интеллектуалов была подчинена одной цели – формированию болгарского образа Македонии. Среди первых форматоров македонских образов в болгарском национализме стал Иван Вазов, который идеализировал македонскую борьбу как форму именно болгарского националистического движения, обращаясь к Македонии не иначе как «Македония, родина мила!» [9, с. 27 – 28] и призывая своих соотечественников быть македонцами («иди, о брате, в Македония!» [8, с. 81]), то есть принимать участие в борьбе против «чуждо иго» [23, с. 419], борьбе за освобождение македонских земель, в состав которых вошли бы «Солун, Шар, Пирин и Рила» [7, с. 29-30], и их фактическую инкорпорацию в состав Болгарии, что было попыткой актуализировать не только болгарское восприятие региона, но и его именно болгарский характер. В более радикальной версии будущая Болгарская Македония должна была охватывать территории «от Шар бо белия Егей» [28, с. 120]. Теодор Траянов и вовсе писал об освобождении Македонии, где вновь свободно будет звучать

«славен български език» [29, с. 133-134]. Другие авторы также не менее активно локализовали в своих поэтических текстах македонские города (Тетово [5, с. 112; 6. с. 113]) и Вардарский регион [4, с. 108; 21, с. 192-193; 24, с. 108] в целом, что воспринималось ими как форма болгаризации македонского пространства. Усилиями болгарских авторов подобной символической болгаризации была подвергнута и Солунь [3, с. 109-110]. Константин Величков, который активно формировал образ Македонии как жертвы [11, с. 204] антиболгарских устремлений ее соседей, патетически вопрошал «Чия е македонската земля» [12, с. 70-71], актуализируя тем самым болгарские стремления, направленные на интеграцию Македонии именно в болгарское пространство. Аналогичные мотивы жертвенности Македонии, ставшей «истерзанной матерью» [13, с. 226], мученицей антиболгарской политики, звучат в текстах Любена Димитрова [16, с. 225] и Кирила Христова [30, с. 110].

В целом болгарский национализм отрицал существование македонской нации и македонского языка, видя в македонцах часть болгар, предлагая им такой вариант идентичности, который предусматривал их почти полную интеграцию в состав болгарской политической и этнической нации. В этом отрицании существования отдельной македонской идентичности болгарские интеллектуалы, вероятно, понимая и чувствуя шаткость и общую нестройность своих предположений активно ссылались на опыт зарубежных исследователей, которые разделяли болгарскую точку зрения, сводившуюся к включению Македонии и македонцев в болгарский исторический, культурный, этнографический и языковой контекст. Особой популярностью среди болгарских интеллектуалов, которые занимались продвижением и популяризацией именно болгарского восприятия Македонии пользовалась работа немецкого этнографа первой четверти XX века Густава Вайганда «Этнография Македонии» [32], позднее переведенная на болгарский язык [10].

Болгарским авторам особенно импонировало то, что немецкий ученый верил в то, что «большая часть сельского населения» в Македонии «было и остается болгарским». Описывая демографическую структуру македонского населения, Густав Вайганд на первое место по численности ставил болгар. Используя термин «македонцы», Г. Вайганд не придавал им специфического македонского содержания, полагая, что македонцев следует рассматривать в качестве этнографической группы болгар. Анализируя особенности этнической истории Македонии, Г. Вайганд «населял» ее не просто абстрактными славянами, но болгарам, а государственные традиции, которые в различное время имели место на территории Македонии, оценивались им также как «болгарские». По мнению немецкого автора, в первой четверти XX века болгары составляли значительную часть городского населения Македонии Кроме этого славянские языки, на которых говорило население Македонии в Средние Века, немецкий этнограф соотносил со «старо-болгарским языком». Густав Вайганд полагал, что отдельного и самостоятельного македонского языка не существует, а славянские диалекты на

территории Македонии следует рассматривать в качестве болгарских.

В такой ситуации Македония в рамках болгарского националистического дискурса фигурировала как понятие почти исключительно географическое, а македонские города (например, Скопье [20], Охрид [25] и даже Солунь [26]) были интегрированы, благодаря развитию среднего образования [18], в болгарский канон и контекст болгарского пространства. Если же ему и придавали этнический или политический смысл, то это делалось в болгарском понимании Македонии. Македония могла быть правильной, если это была болгарская Македония. Македонизм оценивался позитивно, если им управляли из Софии, а его сторонники выступали за объединение с Болгарией. В противоположных случаях македонская нация – ни что иное, как сербский антиболгарский проект, а Македония – антиболгарская провокация Белграда. В подобной ситуации македонские нарративы в Болгарии получили значительное развитие и активно использовались интеллектуалами для изобретения и конструирования именно болгарской идентичности. В этом процессе одну из центральных ролей сыграла учебная литература (которая популяризировала и предлагала новые идентичности

настолько универсальные, что отказаться от них было крайне сложно [14]) и болгарский учитель [15], который в отличие от прусского учителя «не выиграл битву при Садовой», но скорее проиграл тем политикам, македонский проект которых обладал большим мобилизационным потенциалом.

Выводы. Таким образом, к началу XX века болгарские политические и интеллектуальные элиты осознали важность выработки болгарской версии Македонии с целью ее дальнейшей политической и культурной интеграции в болгарское пространство. Болгарские правящие круги в начале XX века понимали, что такие инструменты формирования и развития идентичности как средняя школа и предназначенная для нее учебная литература конструировали, воображали, изобретали и продвигали именно болгарский образ Македонии, интегрированный в контекст истории и этнографии Болгарии. Подобная политика болгарских интеллектуальных элит вписывается как яркий пример в теорию изобретаемых традиций – именно поэтому мы можем констатировать, что в XX веке Македония стала для болгарского национализма своеобразным «местом памяти», что породило многочисленные научные, мемуарные и художественные стратегии формирования болгарской Македонии, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы:

1. Аретов Н. Свой и чужд в балканските култури / Н. Аретов // Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София, 2008. – С. 9-12;.
2. Аретов Н. Типология на Своя и Другия в ранната българска национална митология / Н. Аретов // Да мислим Другото. Образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов. – София, 2001. – С. 9-24;.
3. Балабанов А. От моста на Вардара / А. Балабанов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 109-110.
4. Борина Хр. Макове / Хр. Борина // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 108.
5. Борина Хр. Тетово / Хр. Борина // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 112.
6. Борина Хр. Тетовско поле / Хр. Борина // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 113.
7. Вазов И. Не даваме я! / И. Вазов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 29-30.
8. Вазов И. Там! / И. Вазов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 81.
9. Вазов И. Чернто знаме / И. Вазов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 27-28.
10. Вайганд Г. Етнография на Македония / Г. Вайганд / прев. от немски Н. Джерманова. – София, 2008.
11. Величков К. Към Македония / К. Величков // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 204.
12. Величков К. Чия е македонската земя / К. Величков // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 70-71.
13. Весов Л. Към Родината / Л. Весов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 226.
14. Данова Н. Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистиката и историографията през XVIII – XIX век / Н. Данова // Български идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София, 2003. – Т. 4. – С. 11-91.
15. Даскалова К. Българският учител през Възраждането / К. Даскалова. – София, 1997.
16. Димитров Л. Панихида / Л. Димитров // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 225.
17. Додов Н. Дневник по балканската война / Н. Додов. – София, 2006.
18. Кайчев Н. Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878 – 1912) / Н. Кайчев. – София, 2006.
19. Кирчанов М.В. Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 217 с.
20. Кънчов В. Град Скопие / В. Кънчов. – София, 1898.
21. Лилюев Н. Към Родината / Н. Лилюев // Родни слова. – София, 1941. – С. 192-193.
22. Михова Л. Чужденецът – свой и друг / Л. Михова // Да мислим Другото. Образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов. – София, 2001. – С. 57-66.
23. Морфов А. Изгрей зора на свободата (марш за македонските революционери) / А. Морфов // Подвигът на Мара Бунева / съст. Цочо В. Билярски. – София, 2010. – С. 419.

24. Панчев С. Вардар / С. Панчев // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 108.
25. Снегаров И. Град Охрид / И. Снегаров. – София, 1928.
26. Снегаров И. Солун в българската духовна култура / И. Снегаров. – София, 1937.
27. Тодорова М. Балкани. Балканизъм / прев. от англ. П. Йосифова-Хеберле. – София, 1999.
28. Траянов Т. Илинденски химн / Т. Траянов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 120.
29. Траянов Т. Победният марш на българите / Т. Траянов // Родни слова. – София, 1941. – С. 133-134.
30. Христов К. Българската реч / К. Христов // Родни слова. – София, 1941. – С. 109-110.
31. Kyrchanoff M.W. Concepts of Selfness and Otherness in traditional Macedonian culture / M.W. Kyrchanoff // Человек в глобальном мире. Материалы международной научной конференции (г. Воронеж, 19 – 20 мая 2015 года) / ред. Н.В. Бугусова. – Воронеж, 2015. – Р. 338-343.
32. Weigand G. Ethnografie von Makedonien / G. Weigand. – Leipzig, 1924.

Kyrchanoff M.V.

Voronezh State University

HISTORICAL BACKGROUNDS AND PRECONDITIONS OF BULGARIAN MACEDONIANISM

Summary

The author analyzes historical basis and backgrounds of Bulgarian Macedonianism. Macedonian images and narratives occupied one of the central places in works of few Bulgarian poets of the 19th century. Bulgarian poetry assisted to Bulgarization of Macedonia and its integration in Bulgarian cultural context. Bulgarian educational system also included in Bulgarization of Macedonia. Publication of popular science books about Macedonia also contributed to its perception as Bulgarian region.

Keywords: Bulgaria, Macedonia, historiography, identity.